

Светлана Кузнецова

* * *

Ещё не раз пройду по талости,
По хрупкой ледяной резьбе.
Ещё заплачу я от жалости.
От бабьей жалости к себе.

Заплачу горестно и молча
От той придуманной беды
У мутно-алых ягод волчьих,
У чёрной радужной воды.

А по воде плывут закаты
И красят тёмные кусты.
...Все горы дальние покаты,
Все горки ближние круты.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Быль родимая сурова.
Через все века –
Мать-и-мачеха – основа
Русского венка.

Мать-и-мачеху срываю
Я на берегу.
Ничего не забываю,
Ибо не могу.

Оробевшая избёнка –
Вечности виток,
Самый первый для ребёнка
По весне цветок.

На ладони – отсвет доли,
Смутные права
Перекатной горькой голи
Или мотовства.

В нём и нежность, и небрежность,
И добро, и зло;
Перепадов неизбежность,
Холод и тепло.

Чтоб, иной любви не зная,
Век не понимать,
Кто нам родина родная –
Мачеха иль мать?

* * *

А я легко и бережно
Несу печаль по бережку.
Легко несусь по бережку два полные ведра,
И в них луна плескается,
Звенит блестящей денежкой.

Звенит она от вечера до самого утра
О том, как сердце высветлил,
Как мне дорожку выстелил,
Как вырубил мне просеку широкую в лесу...
Иду легко и бережно
По золотому бережку.
Печаль свою звенящую в ведёрочках несусь.

* * *

Видно, так начинается зрелость,
И ложится на стол тяжело
Эта будничная умелость,
Это слова литого тепло.
Под косынкою волосы прячу,
Выхожу на широкий большак.
Я ликую сегодня и плачу,
Только ветер и песни в ушах.
Только эта извечная смелость —
Снова всё начинать на пустом.
Только ягоды влажная спелость
Под склонившимся долу кустом.
Я сегодня почти как держава —
Я могуча, сурова, строга.
Удержать? Никого не держала.
Отпускаю тебя навсегда.

1964

* * *

Будут сны о дальнем человеке.
Будет жизнь апрелем дорога.
Разольются, разольются реки,
Разойдутся шире берега.
Белизну капелями закапав,
Мне на север зиму уводить,
Чтобы от восходов и закатов
Для себя немного ухватить.
Догоняю зори, догоняю,
Всё взахлёб, всё торопясь живу.
Доконаю сердце, доконаю,
Упаду на жухлую траву.
Вот и не осилено раздолье.
Кончены земные чудеса.
Осторожно разомкну ладони,
И уйдут зарницы в небеса.

1965

В ЗАГОРСКОЙ ЛАВРЕ

Я целый день почти в бреду,
А ты далёко.
Монах на лавочке в саду
Читает Блока.
Он в чёрной рясе и с крестом.
Он в чёрной рясе.
Ах, сколько лишнего потом
И сколько грязи!
У Блока синий переплёт.
Светло в саду.
У птиц лишь дважды перелёт
В одном году.
Им дважды воздух и вода,
Сплошные прелести.
А мне по десять иногда,
Уставшей вдребезги.
Ах, сколько лишнего в судьбе.
В моих полётах,
То от тебя, а то к тебе
На самолётах.
Ах, удержи, ах, пронеси,
Всему дай меру.
Я в сотый раз на небеси
Теряю веру.
В сто первый, знаю, упаду
Легко и блёкло.
...Монах на лавочке в саду
Читает Блока.

1965

МОИ РОДИТЕЛИ

Ах, родные мои, как вы жили,
Если три революции были,
Если столько лет с голодовками,
Если столько зим с холодовками!
Ах, родные, когда вы любили,
Если вечно заняты были,
Если нежность совсем не в моде,
Если вся судьба на народе.
Да ещё забота родительская,
Да ещё работа учительская,
Да болезни большой страны
От войны до другой войны.
Вы и отдыха не ценили.
...А потом отца хоронили.
Впереди несли ордена
По дороге, что так длинна.
Над могилой, такой глубокой,
Речь казалась такой высокой,
А потом оградку поставили.
Три бумажных венка оставили.
...Ходит мама моя несмелая
По своей земле,
А у мамы волосы белые,
И моё письмо на столе.

1966

ВЫБОР

Глупостью живу или корыстью,
От своих привычек – ни на шаг.
Перевоплещусь и стану рысью
С кисточками на ушах.
Чтобы выбор – перегрызть ли горло
Глупому оленю на бегу
Или тихо подыхать от голода
На колючем северном снегу.

1968

* * *

Теперь, когда уже прошли все сроки
И нам друзья простили, что смогли,
Ты снова поднимаешь тост высокий
За пепельные волосы мои.

Я точно знаю, что, и как вначале,
Сегодня, в этот самый поздний час,
Ты поднимаешь тост за те печали,
Что и свели, и разлучили нас.

За всё, что мы ещё не позабыли,
За мир наш синий или голубой.
Ты пьёшь за то, чтобы меня любили,
За то, чтоб нам не встретиться с тобой.

1968

* * *

Не обижаю,
Просто уезжаю,
Последний край свой
Снова приближаю.
Там церковь каменная,
Колокол большой,
Там осень пламенная
Над моей душой,
Там листья падают,
Дожди идут,
Там редко радуют,
Но вечно ждут.
И прижимаюсь я
К стеклу лицом,
И улыбаюсь я
Перед концом...

1968

* * *

Во всём разберётесь сами.
А мне ничего не жаль,
Когда проходит лесами
Голодный месяц февраль.
Он шарит по всем берлогам,
Зовёт на разбой зверьё,
Его кривая дорога
Приводит в сердце моё.
А мне с февралём не спорится,
Я с ветреным не груба.
Не шьётся, а только порется
Нынче моя судьба.
Латана-перелатана,
Как хочешь, так и надень!
Новой кладу заплатую
Этот февральский день.
Шагаю его путями,
Беру на себя вину.
Куда он меня утянет?
В какую введёт весну?

1968

* * *

В тот ли, в этот ли угол,
А верней – в никуда
Комбинат «Воссибуголь»
Протянул провода.
Провода-проводины
Прозвенели и мне,
Отцвели именины
На родной стороне.
Даже милости ради,
Ради мира в дому
Отгоревшие пади
Я вновь не приму.
Не приму, не постигну
Через долготу годов,
Через ту паутину
Тугих проводов.

1969

ЗАБЕРЕГИ

В тумане том, а может, в зареве,
Что восходило от земли,
У берега лежали забереги
И холод свято берегли.
И ветры вечные шумели,
И шла пурга издалека,
А мы ходили там и пели
Про молодого ямщика.
Про то, как ехал он и плакал,
И слёзы были так легки,
Про то, как колокольчик звякал
Вдоль белой скованной реки.

1969

* * *

Всё было так, как дни мои хотели,
Как повелела мне моя звезда.
И петухи вечерние отпели,
И отшумела снежная вода.
Всё было так. Неясное влеченье
К тому, что вовсе недоступно мне,
И белое, холодное свеченье
Сибири, промелькнувшей в стороне.
Тот быстрый промельк, светлый и холодный,
Мне и доньше щёки леденит,
И путь мой, от ошибок не свободный,
Растоптанными льдинками звенит.
Всё было так, как я сама хотела.
Мой дом – в тепле,
А руки – в серебре.
И лишь себе признаться я посмела,
Что негде мне согреться в январе.

1970

* * *

Осень снами небогата,
Оттого мне снится вновь
Дом, дарованный когда-то,
Материнская любовь.
Дом шатровый, дом кондовый,
Деревянная резьба,
Запах хлебный и медовый,
Самолучшая судьба.
Снится оттепель и вьюга,
Половодье по реке,
Самоблизкая подруга
В самовязаном платке.
Где теперь ты бродишь, Шурка,
Бабья доля по земле,
Отпылавшая печурка,
Только отсвет по золе.
Мне своих несчастий мало
Маять эту маету?
Надо мною небо ало
С перепадом в черноту.
Волос долгий, голос кроткий,
Не подруга и не дочь.
Надо мною день короткий
С перепадом в злую ночь.

1975

СТАРОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Были сытые годы
И годы голодные.
Я к горячим щекам
Приложила ладони холодные.
Ведь, когда родилась,
Где родиться, меня не спросили.
Я стою посредине
До боли огромной России.
Я стою, понимая,
Что только по случаю
На земле этой мною
Россия получена.
Что случайно, как то,
Что глаза мои серые,
Я плачу за грехи свои
Русскою мерою.
Мерой русских пространств,
Что вовек не освою,
На которых взойду я
Зелёной травой.

«Мерой русских богатств,
Мерой русских угодий
Заплати за меня
Тот, кто сердцу угоден!
Заплати! Я мала,
А Россия большая,
И живу я,
Законы свои нарушая.

Дай мне время понять,
Дай осмыслить всё толком.
Заплати! Помоги мне
Разделаться с долгом!»
...Так я в юности давней
Молила и пела.

Я сама заплатила
Всем тем, что имела.

1976

* * *

Вот и разминулась я с роднёю.
Вот и в целом мире – никого.
Спит река под белой простынёю,
А до ледохода далеко.
Зеркало небесное завешено
Белою холщовой пеленой.
Спит всё то, что было мне завещано,
Навсегда загубленное мной.
Спит вдали родимая сторонушка.
Я сама с собою говорю:
Выпита печаль моя до донышка,
Новую уже не сотворю.
Пусть «заря меня не нарумянит»,
Пусть «роса меня не напоит»,
Но зато и радость не обманет,
Беспощадный хмель не захмелит.
Всё теперь подсчитано и взвешено.
Оттого-то кем-то надо мной
Зеркало небесное завешено
Белою холщовой пеленой.

1979

* * *

Пропела труба и зазывно, и звонко:
Хотите – поверьте, хотите – проверьте,
Открытие «я» осеняет ребёнка
В момент постиженья им ужаса смерти.

Я смертен... Но я же живу, существую,
И так моё «я» на других непохоже.
Меня похоронят? Живого? Живую?
Не верю! – когда-то шептала я тоже.

Шептала ночами, зарывшись в подушку,
Укрывшись от страхов ночных с головою.
Я жизнь прожила, доломала игрушку,
И вот ухожу за осенней листвою.

С собой уношу я лишь память ночлега,
Отчетливость сна и неясственность яви
Да полные пригоршни талого снега,
Что лёг на последней, озябшей отаве.

Я, свыкшись с уходом, себя открываю
Вторично, гораздо больнее и злее.
Как бабочке, крылья душе обрываю,
Нисколько, бедняжку, её не жалея.

Зачем ей порхать, если в землю ложиться?
Земною жила, доживай как земная –
Мне с этим единством удобнее сжиться,
Чем с тем, что возможна ей участь иная.

Познания наши – познания ребёнка.
Хотите – поверьте, хотите – проверьте.
Пропела труба и зазывно, и звонко
На белой поляне в преддверии смерти.

1979

* * *

Молодые песни перепеты,
А о новых я не хлопочу
И совсем про давние рассветы
Вспоминать сегодня не хочу.

Что мне думать про своё начало?
Всё равно уже не прояснить
Суть того, что тело укачало
И сумело душу подменить.

Что мне думать о своих убытках?
День сегодня бархатисто-мглист,
Снег, как на рождественских открытках,
Невозможно мягок и пушист.

Что мне думать о своих потерях?
Нынче мир по-новому богат,
Нынче птицы в розоватых перьях
Оттого, что близится закат.

Что мне думать о своих утратах?
Скоро, оттого что ночь слепа,
Заблудившись в именинных датах,
Оборвётся белая тропа.

Несомненно, жизнь идёт на убыль.
Несомненно, жизнь не удалась.
Но ведь оттого и сохнут губы,
Что в свой срок нацеловались всласть.

80-е

* * *

Души любивших меня собак
Стекаются к изголовью,
Чтобы помочь пробиться сквозь мрак
Из России с любовью.

Тихо шуршат надо мной крыла.
Это спешат собраться
Души людские, что я звала,
Но не могла дозваться.

Горестным светом горят глаза
Всех пренебрегших мщением.
И по подушке течёт слеза
Из России с прощеньем.

80-е

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

Деревенский дом,
Деревенский дом,
Обретённый в горьком году.
Мне себя судить не его судом,
Пониманья в нём не найду.
Страшно съесть в том доме сытный обед,
Страшно в руки мне взять метлу, –
Столько сломанных судеб и столько бед
Затаилось в каждом углу.
Столько душ, не знавших в жизни добра,
И они никогда не спят.
Под шагами чьими-то до утра
Половицы его скрипят.
Не затеплив здесь своего огня,
Возвращаясь в родной содом,
Я молю, чтоб он не винил меня,
Невиновную, этот дом.
Не осилить мне бесконечный сонм
Объясненья ждущих теней.
Я вернусь к себе, но приснится сон,
И не будет его страшней:
Раскрошились русской печи кирпичи,
Затянуло окошки льдом,
Затонувшей подлодкой лежит в ночи
Деревенский брошенный дом.

80-е

* * *

Что я всё же думаю о доле?
Я её устала завлекать.
Ветер в поле,
А тебя на воле
Мне давно наскучило искать.
Сердце отлюбило
И забыло
Вспышки многоцветного огня,
Мне теперь не важно то, что было
Прежде очень важным для меня.
Важен цвет темнеющего неба.
Важен цвет темнеющей земли.
Важен терпкий вкус ржаного хлеба,
Важенка, бродящая вдали.
Важен карандаш, клочок бумаги.
Ну а, может быть, важней всего
Важно осознание отваги
Гибнущего духа моего.

80-е

* * *

Горький ветер касается губ.
Что мне боль мимолётной потравы,
Коль в деревне Кудяево клуб
Оплели узловатые травы.

Что мне зовы дурманной судьбы
В одиночества полной столице,
Если в клубе том сонном грибы
Проросли через щель в половице.

Если отсвет минувших разрух,
Если отсвет грядущей невзгоды
Лёг на смуглые лица старух,
Доживающих здесь свои годы.

А на кладбище, там, над водой,
Где закат умирает, пылая,
Под крестом ли, под красной звездой
Похоронена слава былая...

80-е

* * *

Отзвенели мои погремушки,
На куски разлетелась твердь.
Отыграла, видать, в игрушки
По названию Жизнь и Смерть.

Отгуляла на свете алом,
Растеряла последний страх...
Это кто там под покрывалом
У меня торчит в головах?

Это кто мне велит уняться
Неприменно в этом году?
Ведь найду я силы подняться,
Любопытства ради найду.

Проклиная слабости ношу,
С малолетства ясность любя,
Дотянусь, покрывало сброшу –
И увижу саму себя.

*6 сентября 1988,
Москва, больница*